

12+

Андрей Надыршин

*Тумградская
паутина,
дело №342*

Андрей Надыршин

Тумградская паутина, дело №342

«Издательские решения»

Надыршин А.

Тумградская паутина, дело №342 / А. Надыршин —
«Издательские решения»,

В городе, встроенном в исполинский муравейник, живут лилируки — маленькие разумные существа с огромными руками. Их мир — это вертикальный лабиринт из смолы, корней и светящихся грибов, где бедные ютятся в нижних ярусах, а богатые парят в роскошных сотах «Короны». Старый сборщик росы Лемюэль исчезает при загадочных обстоятельствах. Его банка разбита, жук привязан у ворот, а сам он словно растворился в тумане.

Содержание

ТУМГРАДСКАЯ ПАУТИНА «Дело №342»	6
СОДЕРЖАНИЕ	6
ПРОЛОГ. ГОРОД, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ СПИТ	7
ГЛАВА 1. ТРИ БАНКИ И РАЗБИТАЯ НАДЕЖДА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тумградская паутина, дело №342

Андрей Надыршин

© Андрей Надыршин, 2026

ISBN 978-5-0071-0660-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТУМГРАДСКАЯ ПАУТИНА «Дело №342»

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Город, который никогда не спит

Глава 1. Три банки и разбитая надежда

Глава 2. Пуговица, которая знает всё

Глава 3. Дом, где пахнет чужими тайнами

Глава 4. Скрипка, слышащая тишину

Глава 5. Архивная пыль и золотые имена

Глава 6. Исповедь старой ключницы

Глава 7. Гостиная, полная лжи

Глава 8. Когда музыка говорит правду

Глава 9. Последняя нота

Глава 10. Крылья в темноте

Глава 11. Живой старик и мёртвая банка

Глава 12. Стеклоанное море и дом из снов

Глава 13. Письмо, написанное тишиной

Глава 14. Год спустя

Глава 15. Суд, которого никто не ждал

Эпилог. Скрипка под камнем

ПРОЛОГ. ГОРОД, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ СПИТ

Говорят, что в древние времена, когда земля была мягкой, а небо — низким, жили на свете великаны. Они строили города из песка и ветра, а когда уставали — ложились спать на тысячу лет. Из их снов рождались леса. Из их слёз — реки. Из их дыхания — ветер.

Один такой великан уснул в том месте, где сейчас стоит Тумград. Он спал так долго, что его тело превратилось в муравейник, а его сны — в туман, который до сих пор не рассеялся.

Лилируки пришли сюда позже. Маленькие, шустрые, они поселились в норах великана, построили дома из его костей и смолы, зажгли свет в его глазах — и назвали это жизнью.

Но у каждого города есть тайна. У каждого камня — история. У каждого звука — эхо.

И только тот, кто умеет слушать тишину, услышит правду.

Тумград просыпается под звук капли.

Этот звук здесь никогда не прекращается — вода просачивается сквозь тысячи трещин в исполинском муравейнике и падает вниз, на смоляные тротуары, на крыши домов, на шляпы прохожих. Кап-кап-кап. Монотонно, как дыхание старого города. Старые лилируки говорят, что это слёзы великана, который всё ещё спит под городом. Молодые смеются и говорят, что это просто конденсат. Но никто не может объяснить, почему вода падает даже в самую сухую пору, когда даже грибы тускнеют от жажды.

Света почти нет. Вместо солнца здесь — грибы. Они растут на стенах, на потолках, на балконах, свешиваются вниз длинными светящимися гроздьями — оранжевыми, золотыми, иногда бледно-голубыми. Их собирают, сушат, продают на рынках. Самые яркие и дорогие растут в «Короне», где живут богачи. Самые тусклые и дешёвые — в «Корнях», где живут те, у кого нет даже на свечу.

Город — это вертикальный лабиринт. Тридцать ярусов, встроенных в древний муравейник. Стены здесь чёрные, пористые, шершавые. Если провести по ним пальцами, они оставляют на коже тёмный налёт, пахнущий сыростью и древностью. Говорят, муравейнику больше десяти тысяч лет. Его строили огромные насекомые, которые давно вымерли. А лилируки — маленькие, разумные — пришли сюда позже и поселились в пустых сотах, как в брошенном доме.

Воздух здесь густой, влажный, как суп. Его можно пить. Он пахнет мхом, гниющими листьями, мокрой паутиной и ещё чем-то сладковатым — грибными спорами. Они оседают на антеннах лилируков, и те постоянно их отряхивают, когда выходят на улицу. Старики говорят, что если вдохнуть слишком много спор, можно заболеть «грибной лихорадкой» — тогда начинаешь видеть сны наяву. Иногда это помогает в расследованиях. Иногда мешает.

Над головой, с галерей, свисают лианы и корни. Они переплетены в сплошные сети, покрыты зелёным мхом. Некоторые корни такие старые, что их возраст исчисляется тысячелетиями. Они проросли сквозь муравейник и теперь свисают вниз, как канаты. Лилируки исполь-

зуют их как лестницы — если умеешь лазить, можно быстро спуститься или подняться на несколько ярусов, сэкономив целый час.

Сегодня утро. Грибы уже зажглись ярко. Начинается день.

Улица «Грибных торговцев»

Самый шумный рынок среднего яруса. Здесь всегда толпа, всегда крики, всегда запахи. Мостки широкие, выложенные старыми корнями, которые со временем стали скользкими от влаги. По обе стороны — лавки и мастерские. Из них доносятся запахи варёных грибов, жареных личинок, горячей смолы.

Торговцы уже открыли свои прилавки. Они вывешивают товары — связки сушёных грибов, коробки со светлячками, банки с росой, куски застывшей смолы для поделок. Кто-то продаёт старые книги, кто-то — инструменты из корней. Над одной лавкой висит вывеска: «Мастерская Когтя. Лучшие замки и ключи». Над другой: «Суп от матушки Греты. Горячий и сытный».

Телега, запряжённая тремя жуками-навозниками, медленно ползёт по мостовой. Жуки огромные, чёрные, с блестящими панцирями. Их мохнатые лапы тяжело перебираются по камням, оставляя царапины на смоле. Из ноздрей вырываются облачка пара — они дышат тяжело, как старые кузнечные меха. Усики у них длинные, как плети, постоянно шевелятся, ощупывая воздух. Возница, старый Борк, покрикивает на них хриплым голосом, и его голос похож на скрип несмазанной телеги.

И среди всей этой суеты — на каменном срезе старого пня у ворот, ведущих в богатый квартал, — сидит слепой музыкант.

Он здесь уже десять лет.

Все привыкли к нему. К его чёрному плащу из шерсти ночных бабочек, который всегда влажный от тумана. К его тёмным очкам из полированного обсидиана, в которых ничего не отражается. К его скрипке, сделанной из корня столетнего гриба — тёмной, изогнутой, с трещинами, которые со временем наполнились смолой и стали чёрными.

Он играет одну и ту же мелодию — грустную, тягучую, как история о потерянном доме. Прохожие бросают ему медяки, но он не смотрит на монеты. Его пальцы бегают по струнам с невероятной скоростью — длинные, тонкие, гибкие, с мозолями от десятилетий игры.

Никто не знает, что под тёмными очками — золотые глаза.

Острые. Холодные.

Они видят всё.

Сегодня он видит старика Лемюэля, который проходит мимо с пустой банкой в руке. Сегодня он видит, как старик поднимается по лестнице в богатый квартал. Сегодня он знает, что старик не вернётся.

Его пальцы на мгновение замирают.

Потом продолжают играть.

Только мелодия становится чуть быстрее. Чуть тревожнее.

Как будто он знает, что случится.

Как будто он ждал этого дня.

ГЛАВА 1. ТРИ БАНКИ И РАЗБИТАЯ НАДЕЖДА

Дом Лемюэля. Нижний ярус «Корни»

Дом Лемюэля стоял в самом низу Тумграда, на окраине нижнего яруса, там, где светящиеся грибы на стенах горели так тускло, что их свет едва доставал до земли. Здесь всегда было сыро, всегда холодно, всегда пахло гнилью и мокрой землёй. Вода капала с потолка — не переставая, как слёзы забытого бога. Кап-кап-кап. Этот звук стал частью жизни обитателей «Корней». Они уже не замечали его, как не замечают собственное дыхание.

Дом — старый грибной пень, который когда-то был огромным, но сгнил изнутри, и внутри выдолбили четыре комнаты. Снаружи он был покрыт мхом и плесенью — зелёной, пушистой, которая тянулась вниз длинными прядями, как борода древнего старца. Там, где кора отслоилась, была видна трухлявая древесина — серая, рыхлая, рассыпающаяся в пыль от одного прикосновения. Дверь — из коры, скреплённая кусками застывшей смолы и сухожилиями — висела на старых петлях, которые скрипели всякий раз, когда её открывали. Ручка была сделана из ржавой булавки, загнутой в кольцо, — Лемюэль нашёл её много лет назад на свалке и приладил вместо сломанной.

Внутри дома было темно, но уютно по-своему. С потолка свисали длинные корни — они проросли сквозь муравейник и теперь торчали из стен, как пальцы умершего гиганта. С одного из них — самого толстого, изогнутого в петлю — постоянно капала вода. Капли падали на глиняный пол, разбиваясь о сухой мох, и разлетались мелкими брызгами.

Пол был земляной, утоптаный годами ходьбы, покрытый несколькими дырявыми половиками из паутины. Они когда-то были серыми, а теперь стали почти чёрными от грязи. В углу стояла печь — слепленная из глины, старая, потрескавшаяся. Внутри тлели угли, и от них исходил тонкий запах дыма и сушёного мха. Тепло от печи едва достигало середины комнаты, но Мирта всегда сидела у самой печи — она привыкла к теплу, как к объятиям.

Стол, который помнит всё

В центре комнаты стоял стол, за которым семья Шелест собиралась каждый вечер.

Этот стол был старым — намного старше Лемюэля. Его сделал ещё его дед, великий резчик по дереву, который жил в те времена, когда лилируки ещё умели создавать вещи, которые переживали своих хозяев. Дед Лемюэля вырезал столешницу из цельного куска корня, найденного в самых глубоких подземельях. Корень был тёмным, почти чёрным, с прожилками, которые на свету отливали медью. Дед обрабатывал его месяцами — шлифовал, покрывал смолой, вырезал по краям узор из бегущих жуков, которые, казалось, вот-вот сорвутся с места и побегут по столу.

Ножки стола были точеными, с резными набалдашниками в форме жёлудей. На одной из них, правой, дед вырезал крошечную букву «Ш» — первую букву фамилии. Теперь эта буква почти стёрлась, но если приглядеться, она всё ещё была видна.

Стол простоял в доме восемьдесят лет. Он видел рождения и смерти, свадьбы и похороны. Его поверхность была испещрена царапинами — следы от ножей, от кружек, от детских

игрушек. В одном месте, прямо в центре, было тёмное пятно от пролитых чернил — Барнаби, ещё ребёнком, опрокинул чернильницу, и пятно так и осталось. Лемюэль тогда рассердился, но не стал оттирать. «Пусть останется, — сказал он. — Всё, что происходит в этом доме, должно оставаться с нами». Теперь пятно казалось неотъемлемой частью стола, как шрам на лице старого воина.

Над столом, на стене, висела полка, которую Лемюэль сколотил сам из обломков корней. На ней стояли банки — три.

Одна — с мёдом, который Лемюэль собирал в верхних ярусах, где цвели редкие цветы. Мёд был густым, янтарным, и внутри него плавал сушёный светлячок — он светился тусклым оранжевым светом, как маленькое солнце в темноте.

Вторая — с сушёными травами, которые Мирта собирала на верхних ярусах. Травы пахли мятой, чабрецом и ещё чем-то горьким, что помогало от кашля. Мирта заваривала их каждый вечер и поила всю семью, чтобы не болеть в сыром воздухе.

Третья — та, которую Лемюэль всегда носил с собой. Она была пустой. Всегда пустой. Он ждал, что однажды наполнит её редкой росой, которая растёт только в богатом квартале, там, где свет ярче, а воздух чище. Он мечтал об этом тридцать лет. Он носил пустую банку каждый день, каждое утро, каждую минуту. И надеялся.

Сейчас она была разбита.

Осколки лежали на столе, острые, блестящие в тусклом свете свечи. На одном из осколков виднелась тонкая трещина — старая, давняя. Когда-то Лемюэль уронил банку, и она треснула, но он не выбросил её. Он склеил её смолой и носил с собой ещё десять лет. Теперь она была разбита окончательно.

Рядом с осколками лежала пустая тарелка, деревянная ложка и чашка с остатками травяного чая. Чай был холодным — никто не притронулся к еде с самого утра.

Мирта

Мирта сидела на скамье у стола.

Она была старой — такой старой, что её полосы почти исчезли. Вместо жёлтых и чёрных они стали серыми, как пепел в печи. Кожа на её лице была сухой, в мелких морщинах, похожей на старую кору. Глаза выцвели до бледно-жёлтого, а сейчас они были красными от слёз.

Её руки-лопаты лежали на коленях — огромные, как у всех лилируков, но худые, с узловатыми пальцами, на которых вздувались синие вены. Она постоянно перебирала край передника — нервно, быстро, как птица, которая чистит перья. Передник был серым, в заплатках, но чистым. Мирта стирала его каждую неделю, даже когда не было мыла.

Она носила длинное тёмное платье из грубой паутины, которое почти доходило до пола. Рукава были длинными, скрывающими её руки до самых пальцев. На плечах ткань была потёрта до дыр — Мирта носила это платье уже двадцать лет. На талии была завязана верёвка из корней, чтобы оно не спадало. Воротник был высоким, почти закрывавшим шею, а на шее

висела нитка с деревянной подвеской в виде капли — Лемюэль подарил её Мирте пятьдесят лет назад, когда они только поженились. Тогда подвеска была гладкой и блестящей. Теперь она потускнела, но Мирта не снимала её никогда.

Она не плакала сейчас — слёз уже не осталось. Она просто сидела и смотрела на разбитую банку.

— Он ушёл на рассвете, — сказала она тихо, и голос её был сухим, как шорох листьев. — Ещё до того, как прокричали первые петухи-светляки.

Она протянула руку к осколку. Её пальцы дрожали, когда она касалась острого края. Она не порезалась — кожа была слишком грубой, покрытой мозолями.

— Он сказал, что в богатом квартале выпала кровавая роса. Редкая. Он хотел принести её внукам. Он всегда хотел принести что-то для внуков...

Она замолчала, глядя на осколок. Тот лежал на её ладони, отражая тусклый свет свечи.

Она помнила, как Лемюэль стоял у двери, надевая свой старый сюртук. Как он поправлял антенны перед куском смолы, который служил им зеркалом. Как он поцеловал её в лоб и сказал: «Я вернусь, Мирта. У меня будет самая большая банка росы в этом городе. И внуки будут здоровы. Ты увидишь».

— Я говорила: «Не ходи, Лемюэль. Там опасно. Богатые не любят бедняков». А он сказал: «Я старый, Мирта. Мне уже нечего терять. А внукам нужна роса, чтобы не болеть». И ушёл.

Она сжала осколок в руке — так крепко, что её пальцы побелели.

— Взял свою пустую банку. Поцеловал меня в лоб. И ушёл.

Барнаби

Барнаби стоял у стены, скрестив руки на груди.

Он был молод — лет тридцать, с яркими жёлто-чёрными полосками, которые ещё не начали тускнеть. Но на лбу уже появились ранние залысины — признак того, что он много переживал и мало спал. Он нервничал. Его руки-лопаты были сжаты в кулаки так крепко, что костяшки побелели.

Он носил тёмно-зелёный плащ из грубой паутины, под которым виднелся жилет из коры, застёгнутый на янтарные пуговицы — те самые, которые он купил, когда устроился на работу в грузовой цех. Сапоги его были почти новыми, из кожи сколопендры, но сейчас они были испачканы грязью — Барнаби ходил по всему городу, ища отца.

Он не мог стоять на месте. Он ходил по комнате взад-вперёд — пять шагов в одну сторону, пять в другую. Его сапоги стучали по земляному полу, оставляя глубокие следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.